

*Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 3 (76). С. 160–169.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2023. Vol. 3 (76). P. 160–169.*

Научная статья
УДК 328.1
doi: 10.54398/1818510X_2023_3_160

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНИНА КАК КОЛЛИЗИЯ ЦЕЛОГО И ЧАСТИ
(К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ)**

Белоус Владимир Григорьевич

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия
vladbel2003@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1229-0696>

Аннотация. Каждая историческая эпоха, каждый новый формат человеческого общения (κοινωνία), которое, согласно Аристотелю, составляет сущность человеческого общежития (политии), побуждает всех, кто интересуется данной проблематикой, обращаться к фундаментальным основаниям знания о политике; вновь и вновь продумывать их (оснований) значение для современности. Цель данного исследования основана на желании обнаружить и указать на некоторые «узкие» места классических выводов Аристотеля, которые возникают либо вследствие авторской установки, либо из-за интерпретаций, возникающих в результате перевода. Работа посвящена толкованию метода Аристотеля (дихотомии целого и части, о которой философ говорит как о «методе», усвоенном его собеседниками ранее). Мы ставим своей целью объяснить, насколько этот метод применим уже не в рамках полиса, ограниченного собственным хронотопом (историческим временем-пространством), а в формате современного государства. При изложении основного материала мы используем диалогическую форму политической рефлексии. В качестве выводов нами были обозначены следующие положения. Во-первых, целое следует искать не во многом или же в некоей совокупности изменяющихся признаков, то есть нельзя наделять данным качеством переменные величины. Во-вторых, политически целое есть не государство (многое) и не гражданин (единичное), а государственность, которая соединяет оба начала – коллективное и индивидуальное.

Ключевые слова: политика, политическое целое, политическая целостность, гражданин, государство, гражданство, государственность, целое и часть, коллективное и индивидуальное, идеация

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-78-10049 «Государство и гражданин в условиях новой цифровой реальности»).

Для цитирования: Белоус В. Г. Взаимодействие государства и гражданина как коллизия целого и части (к вопросу о сущности политической целостности) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 3 (76). С. 160–169. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_3_160.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

**INTERACTION BETWEEN THE STATE AND THE CITIZEN AS A COLLISION OF THE WHOLE
AND THE PART (ON THE QUESTION OF THE ESSENCE OF POLITICAL WHOLENESS)**

Vladimir G. Belous

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
vladbel2003@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1229-0696>

Abstract. Each historical epoch, each new format of human communication (κοινωνία), which, according to Aristotle, is the essence of human community (polity), encourages everyone interested

© Белоус В. Г., 2023.

in this issue to turn to the fundamental grounds of knowledge about politics; again and again to think over their (grounds) significance for modernity. The purpose of this study is based on the desire to discover and point out some of the "bottlenecks" of Aristotle's classical conclusions, which arise, either as a result of the author's attitude, or because of the interpretations that appear as a result of translation. The work is devoted to the interpretation of Aristotle's method (the dichotomy of the whole and the part, which the philosopher speaks of as the "method" learned by his interlocutors earlier). We aim to explain to what extent this method is applicable not within the framework of the policy, limited by its own chronotope (historical time-space), but in the format of a modern state. We use the dialogic form of political reflection in the presentation of the main material of the article. We have identified the following propositions as conclusions. Firstly, the whole should be sought not in plurality or in a certain set of changing features, that is, it is impossible to endow variables with this quality. Secondly, the political whole is not a state (plurality) and not a citizen (singular), but statehood, which combines both principles – collective and individual.

Keywords: politics, political whole, political wholeness, citizen, state, citizenship, statehood, whole and part, collective and individual, ideation

Acknowledgments: the research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project № 22-78-10049 "The state and the citizen in the new digital reality").

For citation: Belous V. G. Interaction between the state and the citizen as a collision of the whole and the part (on the question of the essence of political wholeness). *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2023, no. 3 (76), pp. 160–169. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_3_160.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Хорошо известно, что основанием политического являются неодолимые (антагонистические) противоречия и конфликты, противодействующие стороны / участники которых определяются по-разному: как господствующие и подчиняющиеся (Аристотель, Гегель), как эксплуататоры и трудящиеся (Маркс), как враги и друзья (Шмитт). Каждая историческая эпоха, каждый новый формат человеческого общения (*κοινωνία*), которое, согласно Аристотелю, составляет сущность человеческого общежития (политии), побуждает всех, кто интересуется данной проблематикой, обращаться к фундаментальным основаниям знания о политике; вновь и вновь продумывать их (оснований) значение для современности. Предмет настоящего исследования – такие отношения государства и гражданина, которые могут быть представлены в виде политического целого, то есть конфликтов и столкновений, в основе которых будет лежать противоречие (которое, собственно, именуется коллизией) целого и части. Объект исследования – классическая политико-философская традиция, источником которой, со всей очевидностью, выступает аристотелевская «Политика» (собственно, с темы политического целого открывающая её «Книга 1» и начинается) и которая находит своё продолжение в трудах Фомы Аквинского, Гоббса, Маркса, современных рефлексиях. Цель исследования: нами движет желание обнаружить и указать на некоторые «узкие» места классических выводов Аристотеля, которые возникают либо вследствие авторской установки, либо из-за интерпретаций, возникающих в результате перевода.

Методология

Древнегреческий философ объясняет «первичное образование» политического фундаментальным умозрительным началом – процессом взаимодействия парных предметов и выражающих их сущность понятий: «...здесь, как и повсюду, наилучший способ теоретического построения состоял бы в рассмотрении первичного образования предметов» [4, с. 377]. Так, начиная «Политику» беседой с учениками, Аристотель присваивает городу (полису) статус целого, а жителю города («каждому из нас»: гражданину) – части данного целого: «Первичным по природе является государство по сравнению с семьей и каждым из нас; ведь необходимо, чтобы целое предшествовало части. Уничтожь живое существо в его целом, и у него не будет ни ног, ни рук,

сохранится только наименование их, подобно тому как мы говорим «каменная рука»; ведь и рука, отделённая от тела, будет именно такой каменной рукой. Всякий предмет определяется совершаемым им действием и возможностью совершить это действие; раз эти свойства у предмета утрачены, нельзя уже говорить о нём как таковом, останется только его обозначение. Итак, очевидно, государство существует по природе и по природе предшествует каждому человеку; поскольку последний, оказавшись в изолированном состоянии, не является существом самодовлеющим, то его отношение к государству такое же, как отношение любой части к своему целому. А тот, кто не способен вступить в общение или, считая себя существом самодовлеющим, не чувствует потребности ни в чём, уже не составляет элемента государства, становясь либо животным, либо божеством» [4, с. 379].

Аристотель говорит о дихотомии целого и части как о «методе», усвоенном его собеседниками ранее. По существу, вся наша работа посвящена толкованию данного метода, объяснению того, насколько он применим уже не в рамках полиса, ограниченного собственным хронотопом (историческим временем-пространством), а в формате современного государства. При изложении основного материала мы используем диалогическую форму политической рефлексии. Рефлексия позволяет человеческому сознанию присваивать мир, превращая его в предмет наблюдения, исследования, осмысления; воспринимать мир как заданность, как совокупность экзистенциальных проблем, эпистемологических задач и вопросов

Мы отталкиваемся от трёх последовательно сформулированных вопросов: что? как? зачем? – одновременно прилагая к ним ответы, в том числе и ответ на последний из них, который, на наш взгляд, позволит наглядно выявить смысл заявленной проблемы. Формулировка первого вопроса потребует уточнения: исследованием чего мы занимаемся? Природа целого нас, безусловно, интересует, но, очевидно, не в первую очередь. Проблема лежит в области ответа на другой вопрос: что есть политическое целое? или другими словами: каким образом проявляет себя искомое целое в отношениях государства и гражданина? Ответ на поставленный вопрос можно искать либо в области отвлечённой от конкретики философии, либо непосредственно политики. Однако и здесь придётся уточнить: нами исследуются не данные в классической традиции город или государство – это всего лишь атрибуты, признаки целого, а непосредственно феномен политической целостности. В философии важен порядок слов. Уже сама формулировка тезиса, что гражданин является частью от целого, вызывает дополнительные рефлексии на темы зависимости = собственности: принадлежности части целому, то есть гражданина государству. Диспозиция звучит так: «целое и часть», что означает первичность целого по отношению к взятой от него же части (производной от некоей совокупности). В основании нашей концепции лежит принципиальный отказ от восприятия государства как механистически вообразенной коллективности, а вследствие этого – противопоставления народа и власти. В России гражданин есть данность, сама по себе несовершенная, неосознаваемая большинством населения как самоцель и высшая ценность развития и вследствие этого слабо укоренённая в повседневность функционирования теоретического политического сознания. Мы апеллируем к такому научному обоснованию идеала государственности, которое можно было бы воспринимать как политически целое единство общества, государства и гражданина.

Основная часть

Первый вопрос: что такое политическое целое? или в чём заключается его природа? В качестве рабочей гипотезы мы определяем политическое целое как единое многое. Обратим внимание на два начала, входящие в его состав: а) собрание, складывание, суммирование; б) объединение, обобщение, интеграция. Данный вопрос прямо пересекается со вторым: как или каким образом происходит формирование политического целого: города, общества, государства? Один из вариантов ответа (процедура обобщения – суть продукт сознания) находим у выдающегося отечественного исследователя античной традиции А. Ф. Лосева, который предлагал рассматривать целое как идеирующее

единство [7, с. 373]. В другом случае он определяет целое как «идеальное (*курсив наш.* – В. Б.) единство» [7, с. 374]. В данном определении присутствует двусмысленность: либо единство само по себе источник идеи, либо её результат. Во втором случае форма причастия требует прошедшего времени: идеированное. Уместным будет пояснить значение глагола «идеировать». Идеировать – значит, «усматривать сущность» [9, с. 57–60]. Очевидно, что целое не существует вне сознающего его субъекта. Вопрос в том, где он (субъект «усмотрения», идеи etc) располагается? Очевидно, что в сознании рассуждающего о целом философа. Говоря о целостности полиса, именно Аристотель представляет его таковым. Как эпистемологическая процедура, идея фиксирует работу воображения: это генерализация – процесс, который совершается в сознании философа: когда он обобщает и отвлекается от «частностей».

Ошибочные интерпретации возникают ровно в тот момент, когда, возможно, незаметно для слушателя / читателя происходит воображение идеального политического целого подменяется умножением сущностей: их объединением и обобщением, то есть когда совершается подмена неизменяемого целого переменным многим. Как совершается данная субституция, поясним на примере аристотелевского текста: «Излагаемое станет ясным при рассмотрении с помощью усвоенного нами ранее метода: как в других случаях, расчлняя сложное на его простые элементы (мельчайшие части целого) и рассматривая, из чего состоит государство» [4, с. 376].

Термин «расчленение», который использует переводчик (Сергей Александрович Желобев), определённо относится не к органике целого, а к операциональной способности разума, который наделён даром воображения – способен не только, говоря современным языком, конструировать, то есть строить, создавать, идеировать, но и подвергать фрагментации, который и конституирует целое как продукт умозрения. Целое здесь априори «сложное»: то есть буквально то, что сложено из простейших частиц, именуемых «элементами». Наименование последних происходит от латинского *elementum* – это такая часть, которая входит в состав чего-либо, однако сама уже не может делиться на части. В математическом контексте об элементах говорят как о точках множества; из данных объектов множество, собственно, и состоит.

Тут любопытно само постулируемое действие: «расчленение» «символизирует смерть и возрождение при инициации, необходимость смерти индивидуальности перед реинтеграцией и возрождением» [10]; также «расчленение» означает «единство, уступающее разделению, умножению и дезинтеграции в творении; множество, возникающее из единого» [10]. Из чего следует, что это действие («расчленение») относится исключительно к «мертвому» материалу (впоследствии у Гоббса: «искусственному» (*artificial*)). Русский перевод Аристотеля, хотя и противоречит собственному принципу философа о запрете «уничтожать живое существо в его целом» (полная цитата приведена выше), однако, как это ни парадоксально, лучше объясняет гоббсовскую метафору Левиафана как Смертного Бога (*Mortal God*).

Зафиксируем на данный момент два варианта возможных интерпретаций целого: первый из них – это целое суммы или совокупности граждан. На наш взгляд, такой подход не может быть корректным, поскольку сумма складывается из переменных, и оттого сама является не чем иным, как переменной величиной, а последняя по определению не может быть целым. Второй вариант – это целое единичного – каждого гражданина, то есть любого из себе подобных. Основным признаком подобия оказывается статус, который человек получает по факту своего рождения, именуемый гражданством.

Если аристотелевское выражение «сложное» перевести на язык школьной арифметики, то получим, что целое государства / полиса есть не что иное как наделением статусом целого суммы (множество – это сумма, которая получается в результате сложения простейших элементов, в нашем случае – граждан) таких переменных величин, как население, территория и власть, то есть таких изменяющихся статусов граждан, которые (граждане) постоянно проживают на конкретной территории, принимают

правила, касающиеся всех и каждого, несут ответственность, как общую, так и индивидуальную, за их исполнение, принимают участие в общих делах, никому уже не делегируя исполнение собственного, общественного, долга.

Именно во втором случае каждый гражданин превращается в тот самый первичный элемент, который не просто входит в состав некоего государственного множества, но является его олицетворением, составляет его основу, то есть играет роль субъекта. Буквально «субъект» (от лат. *subjectum*) означает «находящееся в основе». Возможно, именно в таком случае статус целостности переходит от многого к единичному; умозрительное действие сложения (возведения в целостный образ) и даёт, в представлении философа, искомый результат: объясняет феномен целостности на примере государства. Но если следовать подобной логике буквально, но целое обнаружится не в феномене сложившейся суммы, а в единичном.

Ученики Аристотеля должны были усвоить его метод «ранее». Что означают данные вполне загадочные для читателя «Политики» слова, если изложение только-только начинается? Указывая на многообразие «полисов» (самое начало «Политики»), Аристотель апеллирует к «усвоенному» и использованному «в других случаях», «ранее», «методу» «расчленения» сложного «на его простые элементы», являющиеся «мельчайшими частями» целого [4, с. 376]. Автор словно подталкивает слушателей (и, разумеется, нас, читателей) к знакомству с другой его фундаментальной работой. Речь идёт о «Метафизике» (которая, как считается, появилась на свет существенно ранее, чем «Политика»): теме взаимоотношений «целого» и «части» посвящены 24–27 главы пятой части книги.

В операциональности на первый план выступает действие, отображаемое, как известно, глаголами. Оттого при комментировании важными становятся глаголы, которыми характеризуется данное взаимоотношение. «Целым называется то, у чего не отсутствует ни одна из тех частей, в составе которых оно именуется целым от природы...» «Нецельно называется не всякая количественно определенная вещь, но надо чтобы она <сама по себе> была делима на части и представляла собою целое» [2, с. 102–103]; В сущности, мы имеем здесь дело с двумя простыми процедурами: анализом и синтезом. Здесь же: «целое» «имеет общий характер в том смысле, что оно охватывает <данное> множество, причем оно сказывается о каждой отдельной вещи» [2, с. 103].

Второй перевод – П. Д. Первова, В. В. Розанова – представляется нам более умопостигаемым: «...Всеобщее и вообще принимаемое за нечто целое в том смысле является всеобщим, что обнимает много [предметов], так как может быть при каждом из них атрибутом и так как каждый из них есть [тем не менее] единое в смысле индивидуального... А непрерывное и ограниченное тогда [является целым], когда из многого [сюда] входящего получается нечто единое, [причем здесь разумеется] прежде всего возможное, а если [его] нет, оно [только] действительное» [3, с. 206].

Но далее «часть целого редуцируется к составляющим «многое» единицам. Таким образом, античная формула (схема) «единого многого» равняется образованию целого из «частей».

Умозаключение «целое состоит из частей» суть аксиоматическое допущение. На самом деле проблематична не только «часть» (не существующая сама по себе, вне того, что именуется «целым»), но и так называемое «целое», поскольку главным условием его существования является полнота (недостижимая или непостижимая – как это воображается субъектом).

Мы не ставим своей целью рассмотреть все возможные аспекты данной проблемы, которая в символическом плане лучше бы прозвучала как «целое-и-часть». Для нас в данном случае Целое и Часть – это имена, характеризующие логическую операцию, а не политическую предметность в виде Государства и Гражданина. Сейчас же, отвлекаясь от значений, мы рассмотрим отношение между единичностью, представленной неким «простым элементом», именуемым Частью, с одной стороны, и множественностью, именуемым Целым – с другой.

Теоретики и политики привыкли оперировать большими группами людей, идёт ли речь о массах, толпах, классах, нациях, элитах и тому подобных «воображенных сообществах» («Imagined Communities») – название известной книги Бенедикта Андерсона, посвященной «истокам и распространению национализма» [1]).

Ещё совсем недавно в научном дискурсе общественнознания доминировал марксизм, в рамках которого субъектностью («сущностью») наделялся каждый человек, причём не «отдельный», то есть отделённый от других, а состоящий с остальными людьми в гармоничных отношениях. Сравним формулировку К. Маркса шестого тезиса о Фейербахе: «...сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [8, с. 3]. Курсивом выделены слова, отсутствующие в оригинале (ср.: *das Ensemble der gesellschaftlichen Verhältnisse*) [13]). Как видим, автор делает упор на взаимозависимом существовании индивидов, употребляя ключевое слово, означающее согласование, гармонию их индивидуальностей.

Если использовать метод аналогии и перенести данную мысль на область политических отношений, то в качестве участника ансамбля политических отношений может рассматриваться любое правоспособное и дееспособное юридическое и физическое лицо, то есть каждый гражданин. Такой подход принципиально изменяет «оптику» понимания политического; в его основании лежит переход от восприятия множества как целого (в истории политической мысли начало данной традиции было положено Аристотелем), к наделению статусом целого единичности, то есть каждого человека (Гоббс).

Для того, чтобы показать вариативность интерпретаций / смыслов классического древнегреческого текста, приведем два английских перевода. Их историографическая легитимность и релевантность оригиналу оставляем за скобками; в данном случае нас интересует исключительно метод Аристотеля.

Первый, опубликованный в 1885 г., принадлежит Бенджамину Джоуитту (B. Jowett): “As in other departments of science, so in politics, the compound should always be resolved into the simple elements or least parts of the whole” [12]¹ [«Как в других областях науки, так и в политике, соединение всегда должно быть разложено на простые элементы или на наименьшие части целого]. Суть метода Аристотеля (в изложении Джоуитта): соединение должно быть разложено; состав – разделён; сложное (сложное) – сведено к «простому»: к «наименьшим частям целого». Иными словами: «целое» есть результат сложения, соединения, состава / составления; пределом обратного действия (= разложения) будет самый «простой элемент» (у Аристотеля – гражданин).

Другой перевод – Харриса Рэкхема (H. Rackham); кембриджское издание «Политики» 1944 г.: “...we examine the question in accordance with our regular method of investigation. In every other matter it is necessary to analyze the composite whole down to its uncompounded elements (for these are the smallest parts of the whole)...” [11] [«...мы рассмотрим вопрос в соответствии с нашим обычным методом исследования. [Здесь, как и] в любых других предметах обсуждения, необходимо анализировать составное целое вплоть до его несоставных элементов (ибо это мельчайшие части целого)...»]. Пояснение в скобках «части целого» – энigmatично, поскольку (мы будем руководствоваться следующим постулатом как аксиомой: целым следует называть то, что не имеет частей). Очень близко по смыслу к предыдущему; однако, есть и различие: «целое» есть не результат определённых действий, а исходная матрица – «составное целое»; само же действие означает анализ (умственная процедура) состава этого целого до каких-то «несоставных частей». В другой терминологии того же времени

¹ Джоуитт довольно свободно обращается с оригиналом: меняет местами авторское указание на собственный метод, отправляя его в предыдущее предложение и, очевидно, полагая обобщённый тезис о «политике как науке» более важным.

эти «несоставные части» именуются атомами. И тот факт, что это вовсе не тела, но пределы аналитической деятельности разума.

В русском переводе нет «других областей науки» и приравненных к ним политики», на что указывает второй английский перевод. Тем не менее есть указание на то, что мы имеем дело исключительно с интеллектуальной операцией: расчленение «сложного» на [его же] «простые элементы», то есть редуцировать «многое» к «одному» (единичному).

От сложного к простому. Аналитика состава: по-став; пред-став – ставить перед собой; объективировать, делать доступным для видения, рассмотрения. – Но тогда «член» (как часть) дан? – по крайней мере в сознании. Тут важно разглядеть и ухватить связь / значение союза «и» между частью / целым. То есть, если часть (член) дана, то целое задано, то «и» означает движение мысли от данного к заданному.

Аристотелевская «Политика», как известно, начинается с обращения к ученикам – цель учителя дидактическая – закрепить повторением прежде изложенный, но, по всей видимости, не до конца усвоенный материал: «Излагаемое станет ясным при рассмотрении с помощью усвоенного нами ранее метода: как в других случаях, расчлняя сложное на его простые элементы (мельчайшие части целого) и рассматривая, из чего состоит государство» [4, с. 376].

Наконец, мы подошли к третьему вопросу: зачем? зачем люди участвуют в политике? Другими словами, какова целевая функция политического участия? На первый взгляд, участие – самый простой способ найти себе подобных: для «политических животных» сбиться в стадо, а для индивидуума реализовать собственное воображённое нечто. Участие есть исполнение должного, или политических предписаний; оно может быть прямым (непосредственным) и делегированным (опосредованным). Суть культуры участия обусловлена добровольностью политического действия.

Нет ли здесь противоречия, или даже конфликта, между имманентностью собственной воли гражданина и трансцендентностью чужой – государства? В должном со-причастия не существует различия Я и Мы, общества и власти, гражданина и государства. Завершенная форма участия – это при-част-ность, самоотождествление себя с образом культурно-политического и социального пространства, в котором отображается идеальная койнония. «Койнония» – греческое слово, которым Аристотель обозначает сущность политического целого, в русском переводе звучит как «общение». Государство, он же полис, есть совокупность разнозначимых величин (территории, народа, власти). У Маркса синоним «целостности» – ансамбль (понятие, отображающее не столько институциональное, структурное начало, сколько деятельное, функциональное), то есть такое целое, которое обнаруживает себя не в процессе созерцания (со стороны), а в органической связи (койнонии) различных элементов.

Таким образом, мы приходим к выводу, что целое (цель) обнаруживает себя не во множестве (государстве) и не в единичном (гражданине), а в ткани, соединяющей оба начала. Таковая именуется другим многозначным термином – государственность. Новое представление о целостности «жизненного мира» (Э. Гуссерль) политики возникнет в том случае, если гражданин будет восприниматься не иначе, как основание политического поля. Гражданин и государство субъектны, а «сознательная деятельность людей, направленная на достижение и удержание власти» (распространённое определение «политики») играет роль объекта. Для субъектов мира политики не должно существовать иной имманентной цели (идеала) развития, чем государственность, понимаемая как полнота и завершённость гражданина в государстве, а государства в гражданине. В данной формуле заключена сущность общественного договора для будущей России.

Трансцендентное отношение к гражданину как идеальному субстрату (так называемой «гражданственности»), к чему-то отдалённому во времени и пространстве от настоящего (гражданства), губительно для политического будущего социума. Гражданин есть то, что составляет цель государственности в каждый исторический момент:

здесь и сейчас. В определении гражданина, одновременно и как сущего, и как имманентной цели развития государственности, лежит интенция принципиального отказа от так называемой «идеологической» картины мира политики, противопоставляющей обывателя («рядового» гражданина) и элиту, народ и власть, гражданское общество и государство. Целое «гражданства» (введём малоупотребляемое слово [6] в научный оборот, чтобы отличать его от «гражданства») оказывается не во многом (пресловутым вообразённым «гражданском обществе»), а в каждом.

Понятия «государственность» и «общественный договор» совпадают в целом ряде аспектов. Государственность понимается как взаимозависимость общественного сознания и институциональных форм. Государственность формируется исторически, передаётся из поколения в поколение в виде так называемых «скреп». Данная общераспространённая метафора, помимо иронической (ср. гегелевское определение «иронии» как «голой тоски души по идеалу» [5, с. 168]) коннотации, имеет и вполне серьёзное, не до конца осмысленное современной наукой содержание.

Государственность, с одной стороны, есть установление, вбирающее в себя законы и институции. С другой стороны, государственность – это самосознание, апеллирующее к политической идентичности. Идентификация в контексте имманентности декларируемых идеалов означает самоотождествление политических субъектов с общественными ценностями. Это требование должно быть адресовано не только единичному гражданину, но и государству как «единому многому». Государственность есть политическое и юридическое самоутверждения единичности (персоны) внутри множества (образно именуемого «политическим телом»).

Гражданский статус человек приобретает и расширяет в процессе собственного политического онтогенеза, одновременно, исторически «гражданин» конституируется и в ходе политического филогенеза. В этой связи следует различать две сущностные характеристики гражданина – «юридического человека» и «политического человека». Гражданин есть ансамбль, политическая сущность которого последовательно раскрывается в виде человека-«обывателя» (реальное измерение), «юридического лица» (нормативное измерение) и человека-«политика» (идеальное измерение). Все эти ипостаси, будучи переменными, вступают во взаимодействие с другими переменными (власть и социокультурное пространство), вместе составляющих систему «государство».

Взаимодействие гражданина с данными институтами порождает взаимную зависимость (в математическом смысле функция есть не что иное, как зависимость), именуемую государственностью. Меняются значения переменных – формы пресуществления гражданина и государства в исторической России, однако отечественная государственность в роли функции остаётся неизменной.

Политическая философия наглядно показывает, как гражданин превращается в самоцель, историческое задание. Поначалу конституирующий государственность (Аристотель), он становится «подданным» (то есть определяющим политически данное) по отношению к «государственному Суверену» (Гоббс), затем «гражданином государства» (немецкая политическая мысль конца XVIII – начала XIX в.); впоследствии возникает альтернатива в виде «гражданина гражданского общества» (Маркс); и, наконец, современный мир выдвигает дихотомию «гражданин мира – атомарный человек». Государство, одновременно, есть сущее и должное; это такая же имманентная цель государственности, как и гражданин. Другое дело, что в отечественном изводе (то есть толковании профессиональных юристов) государственность ближе к многому государства, нежели к единичности человека.

В своём идеальном выражении государственность и гражданин суть одно и то же. Будучи неравновесными, но одинаково важными элементами политической системы, государство и гражданин составляют единое целое – Отечество. Таково не утопическое или иллюзорное / идеологическое пожелание власти предрекающей, а историческое задание, от адекватного исполнения которого напрямую зависит устойчивое и успешное развитие страны.

Во всех стадиях истории России, внутри политико-культурного процесса становящейся ткани отечественной государственности неизменно отражается самосознание гражданина, начиная от документов эпохи Ивана Грозного до революционных уложений Петра I, деклараций и практик интеллигенции эпохи Просвещения до Великой русской революции, через советскую эпоху к современности, внутри которой складывается будущее Отечество. Образ будущей России, воспроизведённый в реальном, нормативном и идеальном измерениях, несёт в себе универсальный мировоззренческий, интегрирующий общество импульс. Для всех, кто «тоскует по содержанию», данный импульс может быть сформулирован в следующих тезисах: гражданин – не расходный материал политической истории, а действительная цель развития; государство представлено не «властвующей элитой» (Ч. Миллис) и не так называемыми «слугами народа», а теми, кто принимает на себя ответственность за «общие цели» и «общее дело», то есть гражданами.

Выводы

1. Целое следует искать не во многом или же в некоей совокупности изменяющихся признаков, то есть нельзя наделять данным качеством переменные величины.
2. Политически целое есть не государство (многое) и не гражданин (единичное), а государственность, которая соединяет оба начала – коллективное и индивидуальное.

Список литературы

1. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон ; пер. с англ. В. Николаева ; вступ. ст. С. П. Баньковской. – Москва : Кучково поле, 2016. – 416 с.
2. Аристотель. Метафизика / Аристотель ; пер. и прим. А. В. Кубицкого. – Москва – Ленинград : Государственное социально-экономическое издательство, 1934. – 348 с.
3. Аристотель. Метафизика / Аристотель ; пер. с греч. П. Д. Перова и В. В. Розанова. – Москва : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. – 232 с.
4. Аристотель. Сочинения : в 4 т. / Аристотель ; пер. с древнегреч. ; общ. ред. А. И. Доватура. – Москва : Мысль, 1983. – Т. 4. – 830 с.
5. Гегель, Г. В. Ф. Эстетика : в 4 т. / Г. В. Ф. Гегель ; под ред. и с предисл. М. Лифшица. – Москва : Искусство, 1968. – Т. 1. – 312 с.
6. Из недатированного письма писателя В. Курносенко к критику В. Курбатову. – URL: https://vk.com/wall-9778909_2489 (дата обращения: 04.01.2021).
7. Лосев А. Ф. Бытие – имя – космос / А. Ф. Лосев ; сост. и ред. А. А. Тахо-Годи. – Москва : Мысль, 1993. – 958 с.
8. Маркс, К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения : в 50 т. – 2-е изд. – Москва : Политиздат, 1955. – Т. 3. – 629 с.
9. Свасьян, К. А. Феноменологическое познание: Пропедевтика и критика / К. А. Свасьян. – Ереван : АН Армянской ССР, 1987. – 201 с.
10. Словарь символов. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/simvol/724> (дата обращения: 10.05.2023).
11. Aristotle : in 23 vols. – Cambridge : Harvard University Press ; London : William Heinemann Ltd, 1944. – Vol. 21 / translated by H. Rackham. – URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0058%3Abook%3D1%3Asection%3D1252a> (дата обращения: 10.05.2023).
12. Aristotle. Politics / translated by B. Jowett. – URL: <http://classics.mit.edu/Aristotle/politics.1.one.html> (дата обращения: 04.05.2023).
13. Marx, K. Thesen über Feuerbach / K. Marx // Marx-Engels Werke, Band 3, Seite 5ff. – Dietz Verlag, Berlin, 1969. – URL: http://www.mlwerke.de/me/me03/me03_005.htm (дата обращения: 04.05.2023).

References

1. Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imaginary Communities. Reflections on the origins and spread of nationalism]. Moscow: Kuchkovo pole; 2016, 416 p.
2. Aristotle. *Metafizika* [Metaphysics]. Moscow – Leningrad: Gosudarstvennoe sotsialno-ekonomicheskoe izdatelstvo; 1934, 348 p.

3. Aristotle. *Metafizika* [Metaphysics]. Moscow: Institute of Philosophy, Theology and History of St. Phoma; 2006, 232 p.
4. Aristotle. *Sochineniya: v chetyrekh tomakh* [Works: in 4 vols]. Moscow: Mysl; 1983, vol. 4, 830 p.
5. Gegel, G. V. F. *Estetika: v chetyrekh tomakh* [Aesthetics: In four volumes]. Ed. by M. Lifshits. Moscow: Iskusstvo; 1968, vol. 1, 312 p.
6. *Iz nedatirovannogo pisma pisatelya V. Kurnosenko k kritiku V. Kurbatovu* [From an undated letter from the writer V. Kurnosenko to the critic V. Kurbatov]. Available at: https://vk.com/wall-9778909_2489 (accessed: 04.01.2021).
7. Losev, A. F. *Bytie – imya – kosmos* [Genesis – name – space]. Moscow: Mysl; 1993, 958 p.
8. Marx, K., Engels, F. *Nemetskaya ideologiya* [German ideology]. *Sochineniya: v pyatidesyati tomakh* [Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat; 1955, 2nd ed., vol. 3, 629 p.
9. Svasyan, K. A. *Fenomenologicheskoe poznanie: Propedeutika i kritika* [Phenomenological knowledge: Propaedeutics and criticism]. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR; 1987, 201 p.
10. *Slovar simvolov* [Dictionary of symbols]. Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/simvol/724> (accessed: 10.05.2023).
11. *Aristotle: in 23 Volumes*. Cambridge, MA: Harvard University Press; London: William Heinemann Ltd; 1944. Vol. 21. Available at: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0058%3Abook%3D1%3Asection%3D1252a> (accessed: 10.05.2023).
12. Aristotle. *Politics*. Available at: <http://classics.mit.edu/Aristotle/politics.1.one.html> (accessed: 04.05.2023).
13. Marx, K. *Thesen über Feuerbach. Marx-Engels Werke*, Band 3, Seite 5ff. Dietz Verlag, Berlin, 1969. Available at: http://www.mlwerke.de/me/me03/me03_005.htm (accessed: 04.05.2023).

Информация об авторе

Белоус В. Г. – доктор философских наук, доцент.

Information about the author

Belous V. G. – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 28.04.2023; одобрена после рецензирования 11.05.2023; принята к публикации 30.06.2023.

The article was submitted 28.04.2023; approved after reviewing 11.05.2023; accepted for publication 30.06.2023.